

«Враги не спят... Япония обстреливает и грабит прибрежные города Дальнего Востока»⁹.

Таким образом, для уральской прессы события в Китае и Японии во многом являлись своеобразным зеркалом, в котором зачастую пытались увидеть отголоски русской революции. Нередко такие параллели были не всегда корректны, поскольку цивилизационная основа, на которой разворачивалась драма китайской революции, бесспорно, была принципиально иной. Однако находившимся в провинциальных Шадринске и Орлове, Камышлове и Кургане большевикам и их политическим противникам нередко начинало казаться, что действительно по всему миру своей тяжелой поступью шагает та самая Великая революция, в катастрофе которой они жили уже несколько лет.

Р. Т. Ганиев

Уральский федеральный университет

Торгово-экономические отношения восточных тюрков с Китаем (VI–VIII вв.)

Основы торговой политики каганата сформировались еще в эпоху Тюркского каганата (545–581 гг.). Главным объектом ориентации была Срединная империя, а также ряд государств Центральной Азии. Конечными пунктами торговых операций на Западе являлись Византия и Сасанидский Иран.

Основными товарами, которые тюрки могли выставить на продажу или обмен, были продукты кочевого скотоводства: лошади, овцы и т. п. На втором месте, как следует из источников, были изделия из черных и цветных металлов. Алтай и Тува, которые входили в состав каганата в период его наивысшего могущества, издавна славились богатыми залежами полезных ископаемых. Кроме товаров, Восточно-Тюркский каганат мог оказывать также и услуги, связанные с охраной пограничных территорий, а также всех внешних торговых операций на территории Центральной Азии.

⁹ Градобоев В. П. Пролетариат, стройся в ряды! // Крестьянская правда. 1920. 1 мая.

В чем нуждалось население Восточно-Тюркского каганата? На первый взгляд, вполне очевидно, кочевники испытывали необходимость в продуктах земледелия, но данный тезис не стоит преувеличивать, так как тюрки имели свои очаги поливного земледелия, о чем свидетельствуют китайские письменные источники и данные археологии. Поэтому при благоприятных климатических условиях тюрки вполне могли обеспечить себя необходимыми продуктами земледелия. Кроме того, в источниках не сообщаются эпизоды, связанные с захватом кочевниками продуктов питания или зерновых у китайцев.

Тюрки предпочитали обменивать лошадей на шелк вместо необходимых для кочевников продуктов земледельческого Китая, следовательно, кочевники не особо нуждались в товарах из империи. Известно, что шелк в кочевом хозяйстве не употреблялся, это был предмет роскоши, а значит, он не имел широкого применения. Незначительную часть шелка тюрки использовали для одежды, остатки которой обнаружены археологами в погребениях древних тюрков Саяно-Алтая¹. Однако основная часть шелка использовалась для дальнейшего обмена на западе Центральной Азии с целью извлечения прибыли.

Почему тюрки предпочитали мирно покупать и обменивать лошадей на шелк (который, к тому же, не имел широкого распространения внутри тюркского общества и обходился дорого), а товары земледельческого Китая для своего пропитания, по мнению исследователей, захватывать в процессе грабительских походов? Целесообразным было бы захватывать более дорогой товар (шелк), обменивая лошадей на недорогие продукты питания. Лишь в периоды засухи или сильных холодов, которые отмечались в 627–630 гг. в Центральной Азии из-за извержения вулкана (предположительно в экваториальной зоне), тюрки испытывали голод ввиду резкого уменьшения поголовья скота². Тогда именно Китай в большей степени был заинтересован в восстановлении хозяйства кочевников с целью покрытия

¹ См.: Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.

² См.: Fei J., Zhou J. *et al.* 626 volcanic eruption, climatic cooling, and the collapse of the Eastern Turkic Empire // *Climatic Change*. Vol. 81. N. 3–4 (2007). P. 469–475.

внутренних потребностей китайской экономики в лошадях и охраны торговых караванов.

Импорт уступал экспорту в тюркской экономике. Шелк, который ввозился на территорию каганата, отправлялся на запад, что позволяет говорить о транзитном характере внешней торговли у тюрков, где каганат выступал посредником между Китаем и потребителями на западе.

Китай, в отличие от тюрков, испытывал внутреннюю необходимость в поставках лошадей из Восточно-Тюркского каганата и был в большей степени заинтересован в установлении торговых контактов с тюрками, так как проблема нехватки лошадей в военном и хозяйственном отношении ставила под вопрос существование всей Срединной империи. Лошадей в Китае не разводили, так как в стране не было подходящих природно-климатических условий для занятия скотоводством, а специалисты, занимающиеся разведением скота, долгое время отсутствовали. Значение лошадей в Китае возрастало все более из-за необходимости обеспечивать быструю связь с отдаленными провинциями для управления, а также для транспортировки грузов и товаров внутри страны.

В истории Китая выделяется два основных периода, в которые произошли значительные изменения в поголовье и качественные изменения в породах лошадей. Первый был во время династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), когда расходовались огромные средства на приобретение лучших пород лошадей с Запада. Второй раз это произошло во время династии Тан (618–907 гг.), когда случился прорыв в селекции, и породы были значительно улучшены в результате отбора лучших арабских и турецких пород. Естественно, увлечение ценными породами лошадей при дворе китайского императора не могло решить проблему острой нехватки транспортных средств во всем Китае, поэтому Срединная империя выступала колоссальным рынком сбыта для Восточно-Тюркского каганата, где интересы двух сторон были взаимовыгодными (лошадей меняли на шелк). В качестве денежного эквивалента тюрки принимали шелковые ткани, которые можно было легко обменять или, выражаясь современным языком, обналичить в западных странах, так как шелк имел самый высокий показатель ликвидности среди товаров. Если бы тюрки нуждались в товарах

земледельческого Китая (продукты питания, зерно и др.), они производили бы подобный обмен, но источники о нем не сообщают.

О наличии спроса на отдельные виды товаров (лошадей) в китайских письменных источниках сообщается: «Я, Пэй Цзи и другие... Мы не нуждаемся в варварах, но их лошади очень важны для нас, и поэтому мы ждем с нетерпением. Если мы не решимся, то тюрки могут поменять свое решение»³. Тюркский каган Циминь в письме китайскому императору писал: «Я, Жаньгань, словно засохшее дерево, у которого есть ветви и листья, и высушенные кости, на которые снова нарастают мясо и кожа! На протяжении тысячи, даже десяти тысяч поколений я хочу сохранить для Великого Суй овец и лошадей!»⁴

В биографии китайского офицера кавалерии Великой службы канцелярии Срединной империи Бо Цзяня сообщается эпизод, по которому мы можем судить о ценности боевых лошадей в Китае:

«В 3 год Хэцин (564) тюрки проникли на границу. В двух государственных загонах Дайчжоу и Синьчжоу были размещены лучшие лошади числом в 10 000. Теперь их разместили в долине (бо-гу) кипарисов, севернее горы У-тай-шань (в Шаньси), чтобы спрятать от “бандитов” (тюрков). После того, как ушли “бандиты”, император приказал Бо Цзяню отправиться туда и проверить состояние лошадей. Потом он послал друг за другом к Бо Цзяню послов с тем, чтобы привести лошадей в Динчжоу (и население присмотрело бы за ними), но Бо Цзянь подумал, что лошади давно уже голодают и ослаблены, и поэтому он боялся, что многие лошади могут погибнуть во время перехода. Он не последовал императорскому приказу и сделал как лучше; он передал лошадей солдатам, которые остановились недалеко. Потом он все сообщил императору, который с ним согласился. Это была заслуга Бо Цзяня, что боевым лошадям не было причинено страданий»⁵.

Интересным является исследование американского историка Кристофера Бэквита «Влияние торговли лошадьми и шелком на

³ *Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tu-kue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen. Band 10. Wiesbaden, 1958. S. 395.*

⁴ *Ibid. S. 60.*

⁵ *Ibid. S. 34.*

экономику Китая династии Тан и Уйгурской империи»⁶. Несмотря на более поздний период, исследуемый автором, все же некоторые закономерности можно применить к периоду существования Восточно-Тюркского каганата.

По данным исследований К. Бэkvита, ресурсы династии Тан не покрывали реальное количество требуемых лошадей. В мирное время в среднем в армии на тысячу солдат было 163 лошади, а во время войны требовалось еще больше. О важности лошадей в Китае и их высокой стоимости свидетельствуют специально отрегулированные правила обмена, продажи и владения лошадьми: «Мы внимательно прислушиваемся к частному разведению лошадей в приграничных районах Китая, а также китайским купцам, которые занимаются торговлей среди пограничных племен»⁷.

О стоимости лошадей в Китае К. Бэkvит приводит следующие данные: в золотые дни столицы Тайюань за одну лошадь давали один кусок шелка, а в моменты нестабильности курс был 1/40. Другими словами, четкого курса обмена лошади не существовало, поэтому ее цена была частым предметом споров между Китаем и тюрками. Результатами таких споров были многочисленные торговые войны, т. е. военные столкновения тюрков и китайцев на почве выяснения и отстаивания своих экономических и торговых интересов, а не с целью захвата и ограбления оседлого населения кочевниками.

Китай представлял собой огромный интерес для реализации своей продукции не только для Восточно-Тюркского каганата, но и других кочевников Центральной Азии, поэтому на протяжении всей истории древнетюркского государства наблюдалась конкурентная борьба тюрков за рынок Китая, население которого в период династии Тан уже насчитывало 50 млн человек.

Таким образом, торговые отношения между Китаем и восточными тюрками были взаимовыгодными. Основное их отличие заключалось в том, что тюрки не имели внутренней необходимости

⁶ *Beckwith C.* The impact of Horse and Silk Trade on the Economics of Tang. China and The Uigur Empire: On the importance of international commerce in the Early Middle Ages // *J. of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. XXXIV. 1991. Part 2. P. 183–198.

⁷ *Ibid.* P. 187.

в китайских товарах, а внутренние потребности экономики Китая и его военно-политическое положение напрямую зависели от поставок центрально-азиатских лошадей и политической воли каганата.

Вопрос ценообразования был краеугольным камнем преткновения для тюркской и китайской стороны, решение которого часто приводило к военным столкновениям. Цена на лошадей зависела от их количества и качества, а это автоматически приводило к росту конкуренции среди кочевников в Центральной Азии. Тюрки были вынуждены укреплять позиции на своей территории и выступать монополистами в торговых операциях с Китаем, что, в свою очередь, не могло устраивать других кочевников Центральной Азии. Это приводило тюрков к войне за китайский рынок, но, несмотря на все издержки, среди всех участников международной торговли на Великом Шелковом пути тюрки находились в наиболее выгодном положении. Торговое сальдо каганата было в плюсе, так как тюрки обходились без внутреннего импорта, занимаясь лишь транзитной торговлей и экспортом лошадей в Китай. Этого нельзя сказать о Китае, который часто покупал лошадей по завышенной цене в результате военных столкновений с тюрками. Насколько равноценными были обмен и торговля для западных стран с тюрками, судить трудно, поскольку для выяснения реальной ситуации требуется специальное исследование. Вполне очевидно, что именно тюрки были наиболее мотивированы в активизации международной торговли в Центральной Азии, так как контролировали ее территорию за счет своего военного превосходства и получали огромные прибыли с транзитной торговли без особых затрат для внутренней экономики своего государства.